

В 1970 году я участвовал в семинаре молодых литераторов Дальнего Востока, который проходил в Хабаровске. Так получилось, что мою рукопись стихов почему-то заранее не прорецензировали, и руководитель семинара поэт Михаил Асламов отдал её приехавшему накануне из столицы поэту-фронтовику Виктору Кочеткову. Он в то время заведовал отделом поэзии журнала “Москва”. В один из дней состоялась беседа с Виктором Ивановичем. Из стопки моих стихов он отобрал с десятков, в основном, о природе, говорил о них обстоятельно. Особенно ему понравилось стихотворение, начинающееся строками: “Какую власть имеют надо мной // природы неприметные явления...” Позже оно будет напечатано в журнале “Москва” – моя первая публикация в столице.

В 1982 году в Благовещенске в Амурском отделении Хабаровского книжного издательства готовилась к выходу моя вторая книжка стихов “Небо и поле”. На неё было две положительные рецензии хабаровских поэтов, но местные литераторы почему-то завозмущались, обвинив автора в упадничестве, чуть ли не в декадентстве. Одним словом, сборник мог не увидеть свет. И тогда по совету издательства я отправил рукопись в Москву Виктору Ивановичу Кочеткову с просьбой написать рецензию, а по возможности и предисловие. Вскоре пришёл ответ – и рецензия, и предисловие. К тому же оказалось, что Виктор Иванович в то время был секретарём парткома Московской писательской организации, так что вопрос о “благонадёжности” моих текстов отпал сам собой.

Сборник “Небо и поле” вышел в апреле 1982 года. Позволю себе процитировать строки из предисловия, и не потому, что они относятся ко мне, а потому, что написаны Виктором Ивановичем: “Современный человек, иногда хорошо сознавая это, а иногда бессознательно, чувствует постоянную боль разлуки с природой, своё отчуждение от неё. “Врачующий простор” русских полей, о котором так хорошо писал когда-то Некрасов, стал особенно необходим всем нам, загнанным в лабиринты больших и малых городов, стандартные квартиры типовых построек, в регламент служебных дел. Человеку хочется заново обрести связь с природой, заново открыть тайну единства со всем живым на земле. И очень важную роль играет тут поэзия. Валерий Черкесов – один из тех поэтов, для которых эта тема – главная. Он стремится уловить и передать на бумаге тончайшие нюансы настроений, возникающие у человека в интимном общении с природой – с полем, рощей, лугом, рекой, дорогой, озером, – сопоставляя “душу” природы с душой человека. Поэт с разных сторон подходит к мысли, что человек связан с природой гораздо более сложными связями, чем это может показаться поначалу, что человек – это чуткое,

отзывчивое эхо мира. Тепло земли и тепло души ставятся у него подчас в прямую зависимость. Может быть, это оттого, что он славит природу севера – суровую и не всегда гостеприимную, однако обладающую огромной обновляющей силой. Лирический герой Валерия Черкесова исповедуется в своей любви к отчей земле, размышляет о жизни, её радостях и невзгодах, удачах и неудачах, и в этих размышлениях раскрываются другие темы его стихов.

*Вдруг замрём мы, словно от прозренья,  
Поймав себя с волнением на том,  
Что диво — не бетон, сковавший землю,  
А луч травы, пробивший тот бетон.*

Этот “луч травы” пробивает “бетон” многих привычных поэтических площадей, мы присутствуем при рождении живой, свежей поэтической мысли”.

В том же году я прочитал в “Литературной газете” статью Виктора Ивановича о поэзии молодых. В ней он цитировал строки предисловия к моему сборнику, правда, без упоминания моей фамилии.

## 2

В мае 1982 года я переехал в Белгород, а осенью встретился с Виктором Ивановичем в столице. Тогда-то поэт рассказал, что он, оказывается, воевал на Белгородчине и что у него об этом есть несколько стихотворений.

В 1942 году девятнадцатилетний боец Кочетков, тяжелораненный, попал под Харьковом в плен. Немного оклемавшись, начал подумывать о побеге, и он ему удался. Шёл на гул орудий к фронту.

К своим он вышел через несколько дней. Потом воевал под Великомихайловкой, Ольховаткой – позже названия этих белгородских сёл вошли в его стихотворения. Был комсоргом батальона. Дважды в составе разведгруппы переплывал Дон. В конце войны стал командиром маршевой роты. Попадал в нелёгкие боевые, да и жизненные переплёты. Так, “особисты” вспомнили его недолгий плен. Были тщательные и унижительные проверки, но солдат Кочетков отстоял свою честь.

Поэт принадлежал к поколению фронтовиков рождения 1923 года, из которого, по официальной статистике, после войны в живых осталось только три процента. Поэтическая звезда Виктора Кочеткова вспыхнула не сразу, но постепенно его стихи завоёвывали всё большую известность, и к 80-м годам он прочно вошёл в обойму лучших поэтов-фронтовиков. Был членом редколлегии “Нашего современника”, лауреатом Всероссийской Шолоховской премии. Его книги “Тепло земли”, “Весть”, “Материнское окно”, “Моё время” и другие и сейчас спрашивают в библиотеках.

В начале 90-х годов Кочетков приехал на Белгородчину для участия в Днях литературы. Проходили они в Губкине, но Виктор Иванович попросил свозить его в Великомихайловку и Ольховатку. Он молча постоял у братской могилы, где были похоронены его фронтовые друзья:

*Была мимолётной, но яростной схватка,  
И дело едва не дошло до штыка.  
Под утро пошли мы в село Ольховатку,  
Под вечер хороним здесь полтрука.*

В стихотворениях Кочеткова вообще много белгородских названий и примет. А стихотворение “В сожжённой деревне” есть во всех его книгах, видимо, Виктору Ивановичу оно было дорого. Вот его начало:

*Под громкие крики ворон и грачей  
мы утром в деревню входили.  
Маячили остовы чёрных печей.  
Руины устало чадили.  
И в редком разбросе лежали тела  
в тени колоколенки древней,  
как будто бы смерть неохотно брала  
ясок с белгородской деревни.*

Помню, как ошеломило меня его стихотворение “Русская слава”, написанное нерифмованным стихом, редким для Кочеткова. Горькие строки: “Чтобы легче прославиться в России, надо её ненавидеть. Не дай Бог полюбить вам Россию! Сейчас же вас обвинят в великодержавном шовинизме...” А он служил России до конца дней своих. Об этом как нельзя проникновенней сказал поэт и критик Станислав Куняев: “Дважды в течение жизни Виктор Кочетков отстоял свою личную честь и честь своей Родины. Первый раз в стихах послевоенных лет, когда испытания не унизили, не озлобили его, а наполнили строки героическим горчайшим трагизмом... Второй раз, когда Родина позвала своего солдата – уже ветерана, старика! – в годы перестройки и прошептала слабеющими пересохшими губами: “Спаси мою честь, старый солдат!” И он, когда у многих помутились умы, принял этот призыв и во второй раз, на исходе жизни, подтвердил свою верность России, Победе, присяге, которую дают раз в жизни”. Я бы добавил – и верность русской поэзии.

### 3

Виктор Иванович принимал непосредственное участие в моей литературной судьбе. Как я уже рассказал, он написал предисловие к моему сборнику “Небо и поле”, передал стихи поэту Николаю Старшинову, который напечатал их в альманахе “Поэзия”, был членом приёмной коллегии, когда меня приняли в Союз писателей, а ещё в Доме творчества в Малеевке познакомил с Юрием Кузнецовым, с которым он дружил и который был моим рецензентом во время приёма в Союз. И похоронены Кочетков и Кузнецов на одном кладбище – Троекуровском.

Я не знаю человека, который бы о Викторе Ивановиче отозвался неуважительно. Однажды мы сидели с ним за столиком в ЦДЛе, и постепенно к нам подсаживались поэты. Запомнились Олег Кочетков, Эдуард Балашов, Александр Волобуев, Геннадий Касмынин, Владимир Андреев, Ростислав Филиппов из Иркутска. А сколько с ним в тот вечер перездоровалось литераторов, и не счесть. Поэт Алексей Шитиков, который долго жил в Москве, а в середине 90-х годов вернулся в родной Курск, считает Виктора Кочеткова одним из своих учителей и старшим другом. Я тоже. На своей книге “Стихотворения” (изд-во “Современник”, 1984 год) он оставил такую надпись: “Валерию Черкесову – с верой в его звезду”. Эти слова я всегда помню и стараюсь оправдать эту веру.

В июле 2001 года я получил от Виктора Ивановича письмо. Он уже плохо видел и очень болел. Писала жена Галина Ивановна под его диктовку. В письме были, в частности, такие слова: “...Ты сравниваешь мой побег из плена с побегом князя Игоря (об этом я написал в книге “Камни заговорили...” – В. Ч.), но он был менее драматичен”. Да, Виктор Иванович был всегда и во всём скромнен, как настоящий солдат.

В сентябре того же года я в последний раз разговаривал с поэтом по телефону, он обещал прислать свой новый сборник, но не успел: в октябре Виктора Ивановича не стало. Его большую книгу “Возвращение”, по сути – избранное, мне прислала Галина Ивановна. Вышло это издание в 2002 году в Молдавии, в Кишинёве, где после войны Кочетков учился в университете и где начался его творческий путь. В России, насколько я знаю, увы, после смерти Кочеткова его книги не издавались. Пожалуй, самая значительная публикация последних лет – подборка в поэтической антологии “Муза надежды” (М., “Наш современник”, 2007) – двадцать пять стихотворений. И каких! Строки литые, как пули, горькие и в то же время несущие надежду и веру:

*Не всё ещё предано,  
Не всё ещё продано,  
Не всё нажитое пошло с молотка.  
Ещё остаётся история Родины,  
Её золотой и железный века.*

### 4

Однажды утром я ехал на службу. В переполненной маршрутке гремело радио. Волей-неволей слушал. Юный голос пел под гитару. Да это же слова Виктора Ивановича Кочеткова! Во время одной из встреч в Москве он подарил мне сборник, вышедший в издательстве “Современник”, сказав

при этом, что одно стихотворение из книги, написанное им ещё в год 20-летия начала Великой Отечественной войны, стало песней, её поют наши солдаты в Афганистане. Называется “Кукушка”. Вот ведь как бывает: знал о песне давно, а услышал её впервые. Стал выяснять её историю.

Все четверостишия в афганском варианте текста довольно близки кочетковскому оригиналу, исключение составляет один куплет:

*Я тоскую по родной стране,  
По её рассветам и закатам.  
На афганской выжженной земле  
Мирно спят советские солдаты.*

Я нашёл интервью Юрия Кирсанова – основателя группы “Каскад”. Его версия создания “Кукушки” такова: “Когда попал в Афган, то, не знаю – почему, взял с собой в командировку сборник стихов Виктора Кочеткова. Нравилось мне стихотворение “Весь просвечен заревой покой...”, оно хорошо ложилось на уже имеющуюся мелодию, что-то убрал, “причесал”, написал два куплета применительно к Афгану. В результате получилась песня, о которой сам Виктор Иванович Кочетков, когда я был в Москве, написал на том, побывавшем в Афганистане, сборнике: “Юрию Кирсанову, великому афганцу, который сделал меня причастным к этой войне. 7 августа 1991 г.”.

Кажется, всё понятно. Но если это так, то почему “Кукушка” на первой пластинке “Каскада” значилась как народная? Вот что рассказывает Олег Гонцов – основатель группы “Голубые береты”: “Я однажды встретился с одним бойцом, который в конце 1960-х годов служил срочную службу в погранвойсках. У него сохранился дембельский альбом, в котором он записывал всякие армейские приколы, анекдоты, афоризмы, стихи и песни. Среди них была и “Кукушка”. Заметьте: эта песня была в альбоме у человека, который демобилизовался осенью 1970 года. Он утверждал, что “Кукушка” пелась у них в части. Правда, текст был не совсем такой, как потом у “Каскада”. Главное отличие в четвёртом куплете: “На даманской выжженной земле // спят тревожно русские солдаты”. Итак, по версии Олега Гонцова, сначала стихи Виктора Кочеткова легли в основу песни, посвящённой советско-китайскому конфликту на острове Даманском весной 1969 года. “Много лет спустя, – продолжает он, – я слышал другой вариант этой песни: “На таджикской выжженной земле”. Потом в Ботлихе ребята пели: “На чеченской выжженной земле”. Наш ансамбль “Ростов” исполняет близкий нам афганский вариант, на концертах мы говорим, что в основе песни – стихи участника Великой Отечественной войны Виктора Кочеткова. Сама же песня – народная”.

И в продолжение. Я познакомился с полковником в отставке Николаем Александровичем Лутюком, который побывал во многих “горячих точках” планеты, в том числе и в Афганистане, сейчас живёт в Белгороде. Я спросил: “Вы слышали “Кукушку”?” – “Конечно! – ответил он. – Когда я находился на лечении в госпитале, к нам приходил генерал Виктор Павлович Куценко, тоже воин-афганец. Кстати, он автор текстов многих песен о войне в Афганистане, а вернее – о мужестве наших ребят, выпустил книгу стихов и прозы “Военный романс”. А тогда, в госпитале, генерал подарил нам кассету, на которой были записаны песни, наиболее популярные среди наших солдат в Афгане. Была на ней и “Кукушка”. Мы её нескончаемое число раз слушали”.

Да, “Кукушка”, как и знаменитые песни времён Великой Отечественной войны – “Синий платочек”, “Катюша”, “Смуглянка”, – тоже стала народной, её пели воины-россияне, которым довелось участвовать в военных конфликтах. И сейчас поют. А вот стихотворение, ставшее основой “Кукушки”:

*Весь просвечен заревой покой,  
Степь о чём-то о своём мечтает,  
Серая кукушка за рекой,  
Сколько жить осталось мне, считает.*

*Льнёт, как паутинка к пиджаку,  
Стебелёк багульника примятый;  
Я ловлю ленивое “ку-ку” —  
Долголетия зыбкие приметы.*

*Вторит им качанием кустов  
Вся в рябинах тихая опушка.  
Восемьдесят... Девяносто... Сто...  
Что-то ты расщедрилась, кукушка.*

*Тратили мы силы, не скупясь,  
Жили безоглядчиво и пылко,  
Дни свои не пряча про запас,  
Как монеты мелкие в копилку.*

*Шествует Победа по стране, —  
Думаешь, легко она досталась?!  
Нам пришлось растратить на войне  
Годы, что отпущены на старость.*

*Так что ты, вещунья, погоди  
Мне дарить чужую долю чью-то.  
У солдата вечность впереди,  
Ты её со старостью не путай.*

\* \* \*

Виктор Иванович Кочетков ушёл из жизни в год 60-летия начала Великой Отечественной войны. В этом трагическом совпадении есть что-то символическое. На могильной плите начертаны слова поэта:

*Русь жива!  
Всё прочее приложится.  
Главное, солдаты,  
Русь жива!*

Таково завещание современникам и потомкам честного русского поэта и солдата.

.....

*Поздравляем нашего давнего автора и друга  
Валерия Черкесова  
с 70-летием!*